

Николай Кононов: «Мир находится в состоянии шторма» | Nikolai Kononov : « Le monde est en pleine tempête »

Автор: Надежда Сикорская, [Монтрише](#) , 18.12.2024.

Николай Кононов во время разговора по скайпу Photo © Nashagazeta

Проживающий в Берлине российский писатель рассказал Нашей Газете о своих последних работах и поделился взглядами на мир и на нас в нем.

L'écrivain russe vivant à Berlin a parlé à Nasha Gazeta de ses derniers ouvrages et a partagé son point de vue sur le monde et sur nous dans ce monde.

Nikolai Kononov : « Le monde est en pleine tempête »

Весной 2023 года Наша Газета [представила](#) вам российского писателя Николая

Кононова – тогда поводом для встречи стал выход на французском языке его документального романа «Восстание», который произвел на нас сильнейшее впечатление. Той же весной Николай Кононов попал в реестр Минюста как сотрудник НКО «Теплица», которое целиком было признано иноагентом. В настоящее время писатель живет в Берлине, а недавно побывал в Швейцарии – в течение нескольких недель он находился в писательской резиденции Фонда Яна Михальского в Монтрише. Разумеется, наш разговор начался с вопроса о том, чем он там занимался.

Николай Кононов: Я работал над своей новой книгой, в основе которой – история беспрецедентного педагогического эксперимента, проводимого в 1970-х годах в СССР, когда слепоглухонемых детей обучили с помощью специальной методики так, что они смогли закончить старшую школу, получить степень в университете и стать научными сотрудниками и создать свои собственные семьи. По сути, этим инвалидам с сознанием практически на нулевом уровне создали сознание – с помощью осязания. Забавно, что ребятам, поступавшим на философский факультет МГУ, посоветовали перейти на психологический, рассудив, что там им будет проще учиться.

Сейчас это уникальное учреждение называется «Сергиево-Посадский дом-интернат слепоглухих для детей и молодых инвалидов», но на момент описываемых событий город еще именовался Загорском. При этом основной сюжет книги вовсе не научная сторона Загорского эксперимента, а линия жизни его философского руководителя Эвальда Васильевича Ильенкова, очень подружившегося с интернатскими детьми и даже сумевшего отговорить одного из них от самоубийства.

Судьба Эвальда Ильенкова – это рифма к судьбе воплощения коммунистической идеи в России: то, что начиналось как огромное вдохновенное дело, закончилось полным моральным разложением, низведением до того, чему изначально противостояло – до государственного капитализма и полного цинизма. Неомарксист Ильенков, главные работы которого идеологи Коммунистической партии не пускали в печать, сегодня известен во всем мире как едва ли не единственный советский философ, чьи идеи пережили испытание на проверку временем. Его судьба – это рифма к судьбе воплощения коммунистической идеи в России: то, что начиналось как огромное вдохновенное дело, закончилось полным моральным разложением, низведением до того, чему изначально противостояло – до государственного капитализма и полного цинизма.

Жизнь Ильенкова, этого чистого человека, повершившего в мечту, закончилась типичным для философов образом: самоубийством. Совпадение и пересечение разных судеб и есть суть моей новой книги.

На какой стадии находится Ваша работа? Когда ожидать новую книгу?

Я нахожусь в процессе. В ближайшие полгода книга точно закончена не будет, там еще много работы. Мне жаль, что личные обстоятельства не позволили мне задержаться в резиденции Фонда Михальского подольше – в Берлине у меня трое детей, и я не хочу надолго отлучаться. Но работалось мне здесь прекрасно: личная «келья», великолепная библиотека, виды на Женевское озеро и горы и возможность прогулок по ним, плюс чудесное сообщество авторов-резидентов – все это для меня, бывшего альпиниста, просто идеальные условия для спокойных размышлений и сосредоточенного труда.

Вас все время влечет в прошлое, причем советское. Под самыми разными и

очень неожиданными ракурсами. Новая книга еще один тому пример.

Почему?

Меня влечет не советское прошлое как таковое, меня в целом влечет то, что я называю Past in the future, по аналогии с Future in the past – есть в английской грамматике такое время. Я все больше убеждаюсь, что мы живем в эпоху, когда прошлое проступает не только в настоящем, но и в будущем.

Недавно я прочитала Ваш последний по времени роман «Ночь, когда мы исчезли». В аннотации к нему указывается, что его герои — это перемещённые лица, апатриды, эмигранты, двойные агенты, действовавшие между Первой и Второй мировыми войнами. При этом повествование захватывает временное пространство не только между войнами, но и обе войны, а также периоды до и после них. Отправной же точкой для рассказа стало наше время, причем четко указанное - между присоединением Крыма к России и началом войны в Украине. Надо ли понимать, что новая война вызвала у Вас потребность по-иному взглянуть на две предыдущие и поделиться этим видением с читателями?

На момент начала полномасштабной операции в Украине я написал уже более половины книги, а остальное дописывал во время нее. Поэтому одна из рассказчиц участвует в феминистском антивоенном сопротивлении, очень важном явлении в России. Это устойчивая организация, действующая уже два с половиной года и созданная просто на коленке.

Безусловно, полномасштабная война, медленно шедшая и раньше, дала дополнительный толчок к размышлению о новом витке, так сказать, бегства людей, их перемещений, самых разных. Например, у меня есть эссе о моем друге, который, будучи квир-персоной, сбежал из России по гуманитарной визе и более полугодом жил в лагерях для беженцев в очень жестких условиях. Суть эссе – о чудовищном чувстве вины, с которым он живет, сравнивая свое положение с тем мужчиной из Кривого Рога, который искал останки жены и детей под обломками дома, разбомбленного страной, обладателем паспорта которой он является. История повторяется в виде трагедии, и задача в том, чтобы прервать эту цепочку повторяющихся трагедий. Это невозможно сделать одними заклинаниями, как объявлял Фукуяма.

Почему после «Восстания» Вы решили перейти от явно близкому Вам жанра документального романа к фикшн?

Потому что форму рассказа всегда задает сам материал. Если материал, собранный для «Восстания», вынуждал, как выразилась критикесса Галина Юзефович, совершить подвиг эмпатии, то в «Ночи» небольшой имевшийся по каждому из персонажей материал диктовал рассказать их истории в виде расходящихся тропок Борхеса: на основе документов, но с использованием моего воображения. А скуден материал потому, что люди не хотели попасть в «большую историю», все герои книги – нежелательные люди, одним из которых скоро рискую оказаться и я.

В этой книге целых три «основные сюжетные линии» и много действующих лиц, причем каждый герой русского происхождения, каким бы разным это происхождение ни было, считает себя патриотом. Двойной агент Леонид Ира, например, так и говорит на допросе: «Я был русским патриотом и делал, что мог, для русских людей». Патриотизм – большая тема, все о нем рассуждают, от политиков до патриарха, а вышедшая недавно книга Алексея Навального еще подлила масла в огонь. Считаете ли Вы патриотом себя и какой смысл вкладываете в это слово?

Само слово «патриот» мне не нравится, оно – от «patria», однокоренное с патриархатом. Мне больше нравится слово «родина», нравится думать о людях, как о растениях, чьи семена могут быть перенесены в другую землю и там прорасти. Я – за множественное самоощущение себя в разных местах. Кроме того, я считаю государство отжившей формой самоорганизации людей, а потому очень не хочется зачислять себя в патриоты той или иной конкретной страны. При этом мне очень дороги места, где я вырос – маленький район рядом с лесом. Это и есть моя вечная родина. Разумеется, такая позиция противоречит видению Алексея Навального, который, как политик, был очень привязан к понятиям «нация», «россияне» и так далее. Из всего, написанного на эту тему, мне ближе всего эссе философа [Оксаны Тимофеевой](#), в котором она описывает соотношение между родинами.

Само слово «патриот» мне не нравится, оно – от «patria», однокоренное с патриархатом. Мне больше нравится слово «родина», нравится думать о людях, как о растениях, чьи семена могут быть перенесены в другую землю и там прорасти. Я – за множественное самоощущение себя в разных местах. **Среди различных комментариев к «Ночи», опубликованных в различных форумах, есть и прямое обвинение в Ваш адрес: «Кононову, живущему в Берлине уже 4 года, не хватило духу объективно писать о военных преступлениях немцев». Что Вы на это скажете?**

Мне кажется, что это несправедливо, ведь все преступления мною как раз описаны, причем описаны очень натуралистично. Возможно, этот комментатор не дочитал текст до конца или пролистал его.

Считаете ли Вы, что в современном немецком обществе нацистская идеология однозначно отрицается, как изжитое зло, в отличие от России, где сталинизм так и не получил однозначной негативной оценки?

Фигура Гитлера, сопоставимая со Сталиным, встречает, безусловно, самое горячее порицание, за исключением лишь самых узких кругов рейхсбюргеров, где можно встретить осторожное почитание. Другое дело, что во многих семьях участие собственных предков в прошлой войне может банализироваться. А для некоторых молодых людей все это вообще немножко Диснейленд, они не ощущают, что это было совсем недавно.

Среди Ваших вымышленных персонажей есть два реальных, имеющих опосредованное отношение к Швейцарии: младший брат Набокова Сергей и [Иона Устинов](#), отец знаменитого актера. Как известно, и Владимир Набоков, и Питер Устинов жили в Монтрё. Почему Вы не сказали прямо, что Сергей Набоков погиб в нацистском концлагере из-за того, что был гомосексуалистом?

В том-то все и дело, что взяли его, скорее всего, не из-за гомосексуальности – к такому выводу пришли несколько историков, изучавших документы полицейского надзора за Сергеем в Берлине. В них нет ни одного упоминания гомосексуальности. Есть все основания полагать, что во время британских бомбежек он что-то неосторожно сказал о британской культуре и судопроизводстве, за что и поплатился. Я очень серьезно изучал эту тему. Когда Сергей прибыл в Берлин, за ним, конечно, прибыло и его дело, в котором была указана его статья. В пансионаты, где он жил, регулярно наведывалась криминальная полиция и наводила справки – характеристики ему давали хорошие. Более того, он устроился переводчиком в одну из организаций, руководимых Геббельсом – вряд ли бы это произошло, если бы его всерьез упрекали в гомосексуализме. Так что гомосексуальность если и была

поводом для ареста, то вторичным.

Если захотеть, то Вас можно обвинить и в конъюнктурности, ведь в романе «Ночь, когда мы исчезли» столько актуальных, если не сказать модных тем: война и мир, положение женщин, гендерные вопросы... Порой кажется, что Вы хотели все впихнуть в одну корзину...

Такова жизнь, в которой все эти темы действительно пересекаются, причем очень давно. В историях героев, чьи прототипы я нашел, эти пересечения случились, вот я о них и написал, а не специально изготавливал винегрет из мотивов.

Интересны и части книги, связанные с религией. «Бог дал человеку свободу выбора, и человек выбрал зло», говорите вы устами одного из персонажей, давая понять читателю, что тяга людей к религии, особенно в смутные времена, объясняется потребностью в поводе, в ком-то, кто указывал бы путь. Есть у Вас такое понимание?

Это относится к моей героине Вере, линия которой в романе основная. Вера прошла несколько этапов отношения к религии как таковой: от романтической девочки с горящими глазами до женщины, прошедшей чудовищный беженский путь.

Отношение ее к религии меняется по мере развития ее характера, от полного и безусловного ее принятия до независимого суждения о ней.

Очень трудно, даже невозможно, читать эту книгу в отрыве от сегодняшних реалий. Чего стоит хотя бы фраза, произносимая одним из персонажей в 1918 году: «Украину ждет независимость. Она выгодно расположена и будет кормить Европу». Или: «Версальский мир лишил нас всякой поддержки» – это говорит бывший белый офицер. Или спор между перемещенными русскими и украинцами о том, какой язык главнее. Прокомментируете?

Обсуждение независимости Украины в 1918 году похоже на обсуждение ее через сто лет. Перед нами – чудовищное пробуксовывание и свидетельство того, что 21 век застрял на проблематике ужасного 20-го. Это не полное совпадение, но многие вещи действительно повторяются. Обсуждение независимости Украины в 1918 году похоже на обсуждение ее через сто лет. Перед нами – чудовищное пробуксовывание и свидетельство того, что 21 век застрял на проблематике ужасного 20-го. Казалось бы, мы должны были понять, что национальные государства – это зло, как и любые холодные и прочие войны, что мир нуждается в действенных наднациональных организациях. К сожалению, этого не произошло, ООН не работает, поэтому в линии Леонида Иры я говорю о безвластных конструкциях, о том, насколько ядовит сам концепт власти, и о том, насколько мир нуждается не только в технологической, но и политической, идейной децентрализации. Швейцария, с ее многовековыми правилами самоуправления, – это очень интересный и замечательный опыт.

Не почитатель ли Вы, случаем, анархии, которая тоже активно присутствует в романе?

Анархия многих отпугивает, поскольку ассоциируется с хаосом. Поэтому я предпочитаю термин акратия, то есть безвластие. Лично я вижу в акратии, безгосударственной форме устройства жизни, огромную перспективу.

Насчет Версальского мира. На сегодняшний день Запад разочаровал как украинцев, так и отвергших войну россиян – ни те, ни другие не получили той поддержки, на которую рассчитывали. Дело идет к развязке. Писателям свойственно заглядывать в будущее – что скажете? Каким Вам видится наш общий завтрашний день?

Я думаю, быстро это не кончится, и еще десятилетия нам предстоит жить с разверстой раной, учитывая масштабы агрессии по отношению к Украине и количество жертв и разрушений. Для примера можно взять конфликт в бывшей Югославии и его отголоски до сих пор. Делать сегодня какие-то прогнозы и сложно, и безответственно. Мир находится в состоянии большого шторма, это видно по разгорающимся конфликтам во всех его нестабильных точках и даже в США, где поляризация общества находится на пике.

Единственное, что я могу сказать, это то, что левый социалистический интернационал распался, а Интернет, который помог людей соединить, не смог их объединить, так что нового Интернационала точно не будет. Мир распадается на политические пузыри.

Вы профессионально изучали философию, а потому и книга наполнена философией, среди которой выделяется такая жизненная установка: «Надо переждать это время, не теряя себя». Очень многие наши соотечественники так и делают - переживают. Как переживали наши родители, бабушки и дедушки. Жизнь проходила в ожидании или в переживании. Применяете ли такую позицию Вы сами?

Единственное, на что стоит тратить время во время шторма, это разворачивание сетей солидарности, в которых люди готовы бесплатно помогать друг другу, совместно что-то делать. Для россиян - и за рубежом, и внутри России - это очень актуально. Моя личная позиция заключается в том, что единственное, на что стоит тратить время во время шторма, это разворачивание сетей солидарности, в которых люди готовы бесплатно помогать друг другу, совместно что-то делать. Для россиян - и за рубежом, и внутри России - это очень актуально. Они очень сильно оттолкнулись от советского опыта, как от отжившего, и очень сильно качнулись, как общество в целом, в сторону индивидуализма, научившись развивать стратегии личного спасения и разучившись совершать коллективные действия. А этому нужно учиться, так как без этого люди легко опыляются пропагандой.

Очевидно, что при изменении сути войн, моральные выборы, с которыми сталкиваются люди, остаются теми же. Новая война выхлестнула за пределы России новую волну эмиграции - время покажет, временной или уже навсегда. Большую долю ее составляют те, кого принято называть представителями творческой интеллигенции. Ведут они себя по-разному, но некоторые настолько явно стремятся быть святее Папы римского, понося Россию, где изначально делали свои карьеры, что это коробит даже тех, кто занял принципиальную антивоенную позицию. Встречались ли Вы с таким явлением и как к нему относитесь?

С таким явлением я встречаюсь периодически в социальных сетях. В социологии это называется моральное предпринимательство, то есть люди создают себе не финансовый капитал, а моральный. Но это остается разновидностью накопления, и подобное поведение представляется мне довольно невротическим и вредным для общественной дискуссии, для взаимного понимания, для диалога. Мне кажется очень важной поддержка антивоенно-настроенных оставшихся в России россиян, благо технологии облегчают эту задачу. Настанет момент, когда в России придет новая власть, и на стороне оставшихся будет символическое преимущество.

Не обошлось в книге без упоминания «Преступления и наказания» и рассуждения о спасительной роли литературы на фоне описания занятия нацистами Ясной Поляны, а также рассуждения о том, что для сохранения

мира нужно сочувствие – трудно не расслышать в нем постулат о красоте, которая спасет мир, которая, как мы видим, его не спасает. И тут же вы пишете о беспомощности деликатного человека, не способного действовать ломом, даже если бы его вложили ему в руки. Так что же делать?

Технологии дали нам грандиозные возможности слышать друг друга и самоорганизоваться, однако вместо этого наступила чудовищная поляризация. Потребность в сочувствии, в эмпатии – это совсем не та красота, которая имела в виду Достоевским. Я говорю об открытости к опыту других людей, про толерантность, про способность поддерживать диалог даже с теми людьми, понимать которых нам может быть сложно, проявлять солидарность. Технологии дали нам грандиозные возможности слышать друг друга и самоорганизоваться, однако вместо этого наступила чудовищная поляризация.

Важнейшим тезисом в Вашей книге представляется мне тезис о трансгенерационной памяти и трансгенерационной травме, которая «программирует» повторение ошибок из поколения в поколение. Вы действительно в это верите? И как же выйти из этого замкнутого круга, если, как Вы пишете, «попытки стереть память и извлечь из себя пережитое безумие глупы»?

Не сдвинув глыбу молчания с конкретных семейных историй, крайне трудно избавиться от риска от неожиданного проявления трансгенерационной правды. В русскоязычной литературе, включая постсоветскую, всегда обращали мало внимания на материалы и методы из социальных наук. В этом огромное ее упущение. Прежде чем развивать линию моего героя, основанную на трансгенерационной травме, я прочитал очень много исследований на эту тему, в частности, израильских исследований, связанных с Холокостом, и понял, что консенсуса в научном сообществе до сих пор нет. Однако факт явления есть. Для того, чтобы обезопасить себя, необходима глубочайшая рефлексия по поводу того, что происходило с нашими родственниками. Проблема памяти для россиян очень важна, ведь целые поколения жили, ничего не зная о своих предках, часто прятавших свое прошлое. Я сам узнал о том, что мой дед был раскулачен, только когда залез в архивы. Мама об этом не знала. Мой отец видел своего деда два раза в жизни. Не сдвинув глыбу молчания с конкретных семейных историй, крайне трудно избавиться от риска от неожиданного проявления трансгенерационной правды, механизм которой у меня описан.

Книгу об Ильенкове мы еще ждем, а переведена ли на иностранные языки «Ночь, в которую мы исчезли»?

Пока нет. Но я очень надеюсь, что книга будет замечена и переведена, в частности, на французский и немецкий, поскольку она кажется мне интересной и с точки зрения языка. Это язык сопереживания, которым я рассказываю о людях, о которых очень мало известно, но которые были знаковыми.

Искренне желаю Вам, чтобы книга была переведена! Как только это произойдет, мы сообщим об этом нашим не русскоязычным читателям.

[русская литература в Швейцарии](#)
[русские писатели в Швейцарии](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/nikolay-kononov-mir-nahoditsya-v-sostoyanii-shtorma>